

ЖУРНАЛИСТСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ

Читайте детективные романы
Людмилы Феррис
в серии
«Журналистское расследование»:

**Ценник
красивой жизни**

**Слишком
большой соблазн**

**Жизнь
в стеклянном доме**

Предел несовершенства

**Большие девочки
тоже делают глупости**

Смерть в белом халате

Синдром выгорания любви

Людмила
ФЕРРИС

**Синдром
выгорания любви**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф43

Оформление серии А. Старикова

Феррис, Людмила.

Ф43 Синдром выгорания любви : [роман] / Людмила Феррис. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Журналистское расследование).

ISBN 978-5-04-096341-6

В доме престарелых произошел пожар. Экспертиза показала, что одна из погибших на самом деле была убита — кто-то, воспользовавшись суматохой, задушил пожилую женщину. Поскольку в городе уже давно ходили слухи о том, что директор этого учреждения обирает своих подопечных и производит странные манипуляции с их квартирами, корреспондент городской газеты Юлия Сорнева решила убить сразу двух зайцев — провести журналистское расследование обоих горячих дел. Для этого она устроилась в дом престарелых санитаркой и принялась изнутри разведывать обстановку. Вскоре Юлия узнала так много, что даже пожалела об этом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Феррис Л., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096341-6

Глава 1

Что не хочешь помнить, то всегда
помнишь.

Р. Брэдбери

Наши дни.

Прасковье Щукиной не спалось: может, за день скопилось напряжение, да еще не давали покоя больные суставы — артроз. Сколько она всяких мазей на коленки перемазала — не счесть, ничего не помогает, да и не поможет, наверное, помирать с артрозом придется. Прасковья повернулась и вытащила из тумбочки красную упаковку с мазью.

— Сейчас я вас натру как следует, — сказала она вслух своим коленкам.

По коридору кто-то шаркал тапочками, кашлял и чихал.

— Ну нет сегодня покоя, — это проснулась соседка по палате Глаша, Глафира Сергеевна.

— Нет покоя, — согласилась Прасковья. — Я вот тоже не сплю, коленки замучили, уж потерпи, Глаша, мазь пахучая.

— Да знаю я твою мазь, провоняла вся комната.

Прасковья мазала колени сильно, до боли, растирая руками опухшие суставы.

— Зря ты мучаешься, только мазь переводишь. Пора уже нам на тридцать третий собираться.

Тридцать третьим в народе называли кладбище, — почему две тройки так провинились перед людьми, уже никто не помнил.

— Я еще хочу пожить, Глаша.

— А я не хочу, по-твоему? Но вот еле вчера до столовой дошла, совсем ноги отказывают.

Такие разговоры в городском доме престарелых были делом обыденным, привычным, как и разговоры о болезнях — о чем же еще говорить старикам, если организм в таком возрасте дает сильные сбои, но, как говорит медсестра Нина, если что-то с утра болит, радуйтесь: значит, вы живы.

Тапочки в коридоре зашаркали теперь в другую сторону.

— Алексеич, что ли, по коридору ходит? — поинтересовалась Глаша.

— Не, Алексеич пятками сильно стучит, а этот шаркает. Нинка поди новые тапочки купила.

За годы пребывания в доме престарелых они научились по шагам в коридоре определять людей.

— Не, какие-то странные шаги. Словно кто-то крадется. А кто может быть? Новеньких не было. Нинка сегодня дежурит, а значит, у всех наших судно у кроватей, чтобы по коридору не шастали, — уверенно говорила Глаша.

— Да дались тебе эти шаги! Давай лучше спать.

Прасковья закончила натирать колени, и ей показалось, что боль отступила. Но она знала, что ощущение это было обманчивым, через десять минут суставы «закрутит» снова, и спасение было только в одном — успеть заснуть, пока мазь действует. И ко-

лени крутит, и душу выворачивает, достает до самых глубин. Прошлое не отпускает и не отпустит, пока ты за него держишься. В прошлом было все — хорошая работа, друзья, успех и выбор, который она сделала. Теперь прошлое давит, не дает покоя, и тяжесть эту не сбросить, — не с Глафирой же поделиться?! А может, и рассказать, легче станет, и видения прекратят ее мучить?

— Расскажи что-нибудь из своей жизни, все равно сон не идет, — Глаша села на кровати.

Вспоминать о прошлом было самым интересным занятием в доме престарелых — многим хотелось снова заглянуть в ту жизнь, что ушла безвозвратно, но, казалось, пронизывала маленькие комнаты казенного заведения тонкими нитями волшебного покрывала памяти.

— Не даешь мне сегодня уснуть, Глафира!

— Так это не я, а твои коленки.

— Что правда, то правда. Да я уже про свою жизнь многое рассказала!

— Ну, а про эту, свою клиентку, что мужа зарезала, так и недослушала я, уснула.

— Про Клару Андреевну, что ли? Нехорошая это история.

Прасковья Петровна Щукина всю свою сознательную жизнь отработала парикмахером, дружила со своими клиентками, была в курсе их личной жизни. Паша считала, что язык ее кормит так же, как и руки, — умела она разговаривать клиенток. Ведь умение общаться намного важнее идеально выполненной стрижки. На Пашином рабочем месте, в парик-

махерской, на контакт с мастером дамы шли легко, расслаблялись под жужжащий звук фена и рассказывали ей про себя, про свою личную жизнь, про мужа и любовника. Но для того, чтобы достичь такой откровенности, требовалось не только профессиональное умение, но и способность сочувствовать, сопереживать чужим историям. Прасковья была модным мастером, клиенты стояли в очередь, но для «своих» у нее всегда находилось время. Избранные дамы приносили не только деньги, но и обладали связями и, в свою очередь, помогали Прасковье в решении многих бытовых вопросов, например, помогли устроить сына в детский сад. Но среди избранных клиентов Клара Андреевна Гулько была особняком, сама по себе — яркая такая индивидуальность. Главное дело ее жизни — быть женой успешного бизнесмена и руководителя городской торговли Александра Гулько. Клара Андреевна уделяла много времени своей внешности, ходила по салонам красоты, но «такие руки, как у Прасковьи, не променяла бы ни на кого». Клара всегда была с прической — модной и стильной стрижкой. Первое время она с высокомерием разговаривала и общалась с Пашей, а потом, визит за визитом, ледок в отношениях таял, и Клара Андреевна стала доверять своему мастеру не только создание шедевров красоты на голове, но и душевные истории. Историй было не то чтобы много, но Прасковья знала и о привычках мужа, и о зависти подруг, и о покупке новых сапог. Она всегда восхищалась Klarой — клиентка была женщиной необыкновенной красоты.

— Ты говорила в прошлый раз, что Клара эта, твоя клиентка, мужа своего убила.

— Убила, зарезала в приступе ярости, — не любила Прасковья вспоминать эту историю. Всю правду рассказывать нельзя, да и кому она нужна, эта проклятая правда?! — Изменил он ей, застучала она мужа своего с бабой, молодой, красивой. Приехала без предупреждения на квартиру, а он там, в кровати с молодой. Деваха сбежала, пока Клара буйствовала.

— Деваху надо было догнать и тоже прирезать, — цокнула языком Глаша. — Прилипчивые эти наглые молодые, одна такая у меня в цехе мужа и увела. Может, мне надо было тоже его убить — и ее и его, а я плакала сутками, переживала.

Глаша вспомнила свою невеселую историю про мужа-изменника, и от таких воспоминаний сразу стало мутно на душе. Легче только от того, что она не одинока: всем изменяют мужья — и красивым, и некрасивым.

— Ну, что там дальше?

— Да как в кино! Схватила нож, ударила мужа. Потом Клара сама вызвала «Скорую», милицию. В общем, такая явка с повинной. Она мне тоже позвонила, просила дочку на время забрать. Я ее просьбу выполнила, но потом передачи ей не носила. Не знаю, как она там, в тюрьме, была.

— А муж-то?

— Умер, не приходя в сознание. Кларе дали двенадцать лет. Я не была на суде, газеты потом писали. Скандальная история получилась, неприятная. Адво-

кат ее хороший защищал, доказывал, что совершила она убийство в состоянии аффекта. Клара, наверное, уже на свободу давно вышла.

— Так ты ее больше не видела?

— Я же потом в другую парикмахерскую перешла работать. Да и прическа ей за ненадобностью.

— А что же ты не поинтересовалась, как у нее жизнь дальше сложилась? Дочка ее как? Кто мужа хоронил?

— Давно это было. Спи, Глаша, покойников к ночи мы начали вспоминать не к добру. Запах какой-то странный из коридора идет. Чуешь?

Прасковья накинула халат и пошла в коридор. Пахло дымом.

— Эй, кто там курит!? — крикнула Паша. Курение в коридоре строго запрещалось. Ночной медсестры на месте не было.

— Куда они все подевались? — бормотала Прасковья Петровна и шла на запах дыма, который становился все сильнее и сильнее. За дальней дверью коридора явно что-то горело. Коленный сустав заломило так сильно, что Щукина захромала. Как не вовремя, хотя разве может коленка своевременно заболеть? Дым, который уже было видно, стелился по полу и отвоевывал себе пространство метр за метром. Ей показалось, что за дверью кто-то есть.

— Эй, кто там?! Что за пожар?! — она дернула за ручку двери. Человек за дверью не спешил отзываться.

— Что вы тут делаете? Кто вы?

Фигура, окутанная дымом, медленно развернулась, и Прасковья удивленно произнесла

— Ты? Ты как здесь? Что ты тут делаешь? — сказать больше не получилось, потому что она почувствовала, как шею сильно сдавило. Прасковья одновременно ощутила ужас, боль и провалилась в темноту. Человек оттащил тело женщины в угол, посмотрел, как огонь бежит по коридору и начали гореть стулья.

Пламя играло языками, поднимаясь все выше и выше в коридорную пустоту, заглядывая в каждую дверь.

Глава 2

«Как слышится, так и пишется» —
правило русского языка.

Наши дни.

С утра загудела сирена, ее вой был слышен во всех уголках города. В редакции, как по команде, зазвонили все телефоны: горожане жаждали знать, что происходит.

— Вы не знаете, с какого перепуга сирена орет? — возмущался мужской баритон.

Юля Сорнева, журналист местной газеты «Наш город», не имела ни малейшего представления о происхождении тревожного сигнала, но уверенно отвечала: «Плановые учения по ГО и ЧС. Не волнуйтесь».

После десятого звонка она решила все же узнать истинное положение дел.

— Мила Сергеевна! Скажите, почему сирены все утро гудели? Если это учения, то почему нам информацию в редакцию не сообщили? Я, по крайней мере, ничего не знаю об этом, но всем беспокоившимся говорю, что это учения.

Ответственный секретарь газеты Мила Сергеевна была главным редакционным источником информации. Это словно для нее двести лет назад произнес крылатую фразу английский бизнесмен Натан Ротшильд: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Конечно, о существовании Милы Ротшильд не подозревал и распорядился информацией умело, когда раньше всех получил известие о разгроме Наполеона при Ватерлоо, что позволило ему заработать сорок миллионов фунтов стерлингов на Лондонской бирже. Мудрость английского бизнесмена, правдивость сказанных им слов всегда были на вооружении у Милы Сергеевны. Информационные потоки стекались к ней, словно рыбки к прикормленному месту, поэтому она знала почти все и успешно с этим управлялась.

— Отвечаешь ты, Юлечка, правильно. Только по секрету скажу, что сами геочээсники удивились утренней сирене, а значит, ничего о ней не знали. Но всем официально объявили, что это были плановые учения. Неразбериха для нас — дело обычное. Что там в системе оповещения вдруг сработало и она сама по себе включилась — одному богу известно.

— Ну и ладно, — отмахнулась Юлька. — Лишь бы ничего страшного не случилось.

— А ты, между прочим, знаешь, куда надо бежать, если сигнал сирены настоящий?

— Не знаю, — разочарованно сказала Юлька. — Даже как-то не задумывалась об этом.

— А у меня в доме бомбоубежище есть, так что, Сорнева, можно ко мне бежать. Но я знаю, почему сирена могла гудеть, пожар сегодня страшный был — горел дом престарелых, люди погибли. Жалко стариков, они, немощные, сами спастись не в состоянии. Пожарные поздно приехали. В общем, трагедия.

Юлька представила, как старики пытались выбраться из горящего здания, и содрогнулась.

— Господи, как это страшно — старость, немощность, когда сам себе не можешь помочь! — Только бы не ей досталась эта тема — писать про пожар в доме престарелых. Но стоило об этом подумать, как Юля услышала голос главного редактора Егора Петровича Заурского:

— Сорнева, зайди ко мне!

Егор Петрович в местной журналистике был непререкаемым авторитетом. Когда-то в юности, попробовав силы в журналистике, он остался верен профессии навсегда. Местная газета была его любовью, его жизнью, его зеркалом, потому что главный редактор, хочешь не хочешь, но является соавтором всех без исключения материалов. Если издание плохое, смотрите, кто главный редактор.

— Писать надо о людях, — утверждал Заурский. — А то посмотришь телевизор и складывается впечатление, что у нас в стране живут только политики, преступники и гламурная богема.

Сегодня Егор Петрович был расстроен, и Юлька это видела.

— Что-нибудь случилось?

— Пожар в доме престарелых. Люди погибли.

— Да мне уж Мила Сергеевна сказала.

— Юль, я предлагаю тебе за эту тему взяться!

— Егор Петрович, может, колонкой новостей обойдемся? Там же все ясно — пожар, наверное, какая-нибудь старая проводка загорелась. Жалко бабушек-дедушек.

— Там не все просто, девочка моя.

У главреда всегда были свои источники информации. Рядовой журналист, чтобы быть в курсе событий, ходит на брифинги, пресс-конференции, читает пресс-релизы, а главреду Заурскому словно кто-то ежечасно подгоняет информационные потоки, а он только выбирает из них самое-самое. Свои источники информации Егор Петрович никогда не раскрывал, это и законом определено — защищать информисточники, и по журналистским понятиям разумно. Информация в его случае никогда не была поводом для шантажа, а использовалась исключительно в профессиональных целях.

— За нашим домом престарелых уже давно «присматривали»: поговаривали, что директор его, Антонина Михайловна, обирает стариков, она знает, где хранятся у них похоронные накопления, и как только человек отдает богу душу, а там это не редкость, Антонина первой заходит в его комнату и забирает деньги. Кроме того, предполагается, что там существуют манипуляции с квартирами стариков.

— В общем, пожар не был случайностью, — подытожила Юля.

— Очень похоже на то. Но есть еще одно обстоятельство. Во время пожара погибло несколько человек, а одна старушка умерла насильственной смертью.

— В смысле?

— Как слышится, так и пишется, Сорнева. Убили бабушку.

— Да ну, Егор Петрович! Когда пожар, всегда много путаницы. Может, на вашу бабушку горящая свая упала?

— Юля! Бабушка не моя, и горящая балка на нее не падала. Задушили ее.

— Вот это да!

— Поэтому ты возьмешься за материал, и, конечно, тут нельзя с плеча рубить, а во всем необходимо разобраться.

— А ее точно задушили?

— Журналист Сорнева, я когда-нибудь давал тебе информацию, которая не соответствовала бы действительности?

— Никогда, Егор Петрович, никогда с вами такого не случилось!

Юля вернулась к себе в кабинет озадаченная. Ей было понятно только одно — материал должен затрагивать серьезные социальные вопросы, а факты, что лягут в основу сочинения, должны быть достоверными. Следствие вряд ли поделится с ней информацией, а тиражировать домыслы и догадки никто ей не позволит. В первую очередь ей нужен герой, та самая женщина, которую убили. Сорнева пока ничего не знает о ней, но почему-то она оказалась